

Е. А. Митник

НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ: «ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА»

Среди материалов Рукописного отдела Пушкинского Дома хранится неопубликованный очерк «Путешествие в Края Солнца» И. А. Гриневской — некогда известного переводчика, критика, поэта, писателя и драматурга. О ее творчестве положительно отзывались Ю. Веселовский, В. Стасов, Л. Толстой, Ф. Фидлер и др. В настоящее же время имеются весьма скудные сведения об этом литераторе. Между тем Изабелла Аркадьевна Гриневская (1864—1942) достойна внимания научной общественности.

Современная издательская ситуация такова, что в той или иной мере в поле нашего зрения попал каждый интересный литератор России рубежа XIX—XX вв. Речь идет не о тех поэтах, чьи имена у всех на слуху, а о тех авторах, чьи имена вновь прозвучали совсем недавно: А. Герцыг, Л. Зиновьева-Аннибал, С. Парнок, И. Одоевцева, Черубина де Габриак и др. Все они представительницы литературных кружков, Гриневская же не связывала себя с каким-либо литературным направлением. Критики называли ее произведения поэзией любви и сострадания. Она писала о всеобъемлющей любви и духовных исканиях; в сочинениях И. Гриневской нашла отражение и общественно-культурная ситуация ее времени.

Разнообразен жанровый состав лирики поэтессы: сонеты и басни, песни и романсы. Рассказы И. Гриневской исполнены мягкого юмора; вместе с тем прозаические сочинения писательницы отличались глуби-

ной и многомерностью, что давало повод некоторым ее современникам сравнивать их с рассказами А. Чехова. Лучше других удавались И. Гриневской истории о женских судьбах, нередко — несложившихся судьбах. Она считалась мастером одноактных пьес, которые можно объединить общей тематикой — неприметные будни современниц. Гриневская также автор серьезных драматических сочинений: «Баб», «Беха-Улла» и «Суровые дни». Особого внимания заслуживают вступительные статьи И. Гриневской к своим книгам, в которых она стремилась осмыслить суть каждого предмета и явления и которые подготавливали читателя к адекватному восприятию основного текста издания.

В архиве Рукописного отдела ИРЛИ хранится личный фонд И. Гриневской: черновые и беловые автографы, авторские копии, ее переписка и др. В настоящее время этот фонд находится в процессе обработки и пока не доступен для исследования.¹

Публикация очерка И. Гриневской «Путешествие в Края Солнца» имела бы важное значение в мировом масштабе, а не только для российской общественности, так как автор этого сочинения была одним из первых деятелей литературы, обративших внимание на зарождение новой мировой религии, более того — она посвятила самые значимые свои произведения ключевым моментам истории этого прогрессивного религиозного движения, его основателям и приверженцам. Интерес мировой общественности к этому событию подтверждается тем, что в начале XX столетия пьеса И. Гриневской «Баб» была переведена на французский, немецкий, английский и другие языки. Во время пребывания И. Гриневской в Париже поэму оценил по достоинству директор театра «Одеон» А. Антуан. В лондонском салоне герцогини Сутерланд в присутствии членов русского посольства и представителей английской и иностранной аристократии, науки, литературы, искусства и печати состоялось собрание «Союза всемирной печати» («Foreign Press Association»). Его президент Г. С. Веселитский-Божидарович прочел доклад об этой пьесе, напечатанный позже на английском и французском языках. В частности, он сказал: «Я был в восторге, что мне попалась для чтения великолепная поэма и что я открыл нового поэта первостепенного разряда. Но радость моя была тем более велика, что поэма <...> была написана на моем родном языке и что автор оказался моим соотечественником».² Докладчик также отметил «ред-

---

¹ В каталоге Рукописного отдела указаны материалы, связанные с биографией и творчеством И. Гриневской, которые хранятся в других фондах.

² Цит. по: Отзывы печати о драматической поэме «Баб» (из персидской жизни) Изабеллы Гриневской. СПб., 1910. С. 54—56.

кое сочетание философской мысли с огромной выразительной силой, красотой, воображением и гармонией стиха».³

Между тем исследователям предстоит еще кропотливая работа по изучению биографии и творческого пути И. Гриневской, поскольку целые периоды жизни этого талантливого литератора пока остаются малоизвестными. В источниках встречаются расхождения даже относительно даты рождения Гриневской. В автобиографии⁴ она пишет, что родилась в Литве в 1862 г., в биографическом словаре «Русские писатели»⁵ указана дата — 3 (15) мая 1864 г., а из справочника «Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года)»⁶ явствует, что писательница родилась в 1854 г. Нельзя утверждать определенно, что верна дата рождения, указанная самой писательницей. Возможно, у нее были причины для изменения года. К тому же в автобиографии она несколько раз ошиблась относительно того, когда были напечатаны ее книги.

По окончании гимназии, в конце 1880-х гг., И. Гриневская приехала в Петербург, где затем обучалась на Высших женских (Бестужевских) курсах. В юности сильное влияние на формирование ее мировоззрения оказали В. Белинский, И. Тургенев, Л. Толстой, Ф. Достоевский. «Рождественские повести» Ч. Диккенса, «Картины природы» А. Гумбольдта, «Жизнь Иисуса» Ж. Ренана и «Торквато Тассо» И. Гете были любимыми произведениями будущей писательницы. Гриневской нравилось читать сочинения естественнонаучного содержания и молитвы. Она сохранила рукопись, написанную ее почти детским почерком, под названием «Опровержение теории Дарвина». Гриневская вспоминала, что ею двигали фантазия и наблюдательность, а главное — размышления о мироздании.⁷

Начала свою литературную деятельность И. Гриневская с переводов (в прозе) и с рецензий научных книг для иллюстрированных журналов. Тогда же стали публиковаться ее критические статьи. Чуть позже писательница обратилась к беллетристике, рассказам. Затем на страницах периодической печати появились ее одноактные пьесы и стихи. Гриневской написан ряд статей по итальянской и польской литературе для Энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона.⁸

---

³ Там же.

⁴ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 5, ед. хр. 136.

⁵ Гриневская Изабелла Аркадьевна // Русские писатели. 1800—1917: биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 44.

⁶ Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года): справочник. М., 1969. Вып. 2. С. 109.

⁷ См.: Изабелла Аркадьевна Гриневская // Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 255.

⁸ См., например: [И. Г.] Роветта Джероламо // Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. 26. С. 869.

Первым своим значительным оригинальным сочинением она считает монографию «Мишель Монтень и его „Essais“» (СПб., 1896, 1902). Ее первый рассказ «Мое свадебное путешествие» и статья «Средневековые процессы о ведьмах» (отзыв о книге Конторовича) были напечатаны под инициалами «И. Г.», путевые заметки «Выставка в Стокгольме. 1897 г. Письма туриста» вышли под псевдонимом «И. Грин». И. Ф. Масанов, более 40 лет работавший над «Словарем псевдонимов» и собравший свыше 80 тыс. вымышленных имен, к упомянутым псевдонимам писательницы добавил еще и такие, как Гр., Гри, Грин (И.).⁹

В лице Ф. Фидлера И. Гриневская встретила одного из первых в ту пору писателей, признавших ее «талантом». По ее словам, однажды Д. Григорович предложил ей помещать ее рассказы и «торговаться за них»,¹⁰ но она так и не воспользовалась его предложением.

В период с 1891 по 1923 г. вышло 12 прижизненных изданий сочинений писательницы, было опубликовано 20 произведений (помимо стихотворений), переведенных ею с французского, итальянского, польского и других языков. На сегодня найдены 44 публикации этого автора, напечатанные в периодических и продолжающихся изданиях.

Многие стихотворения Гриневской были переложены композиторами на музыку. Ц. Кюи написал музыку к нескольким произведениям И. Гриневской, а одно из них легло в основу его сочинения для хора с оркестром «Твой стих» (1914).¹¹

Таким образом, творческое наследие И. Гриневской составляют произведения различных жанров. Как отмечалось в «Первом женском календаре на 1912 год», среди писателей-современников И. Гриневская занимала видное место. «Ее муза довольно многообразна. Среди ее произведений встречаются чудные лирические стихотворения, проникнутые глубоким чувством, и рядом с ними <...> стихи, рассказы, полные юмора, веселого, заразительного смеха, будто горе, печаль, одиночество никогда не выливались то бурными, то меланхолическими аккордами в разных ее произведениях. И рядом со всем этим, большинство ее произведений, как больших, так и малых проникнуты одной идеей, одной мыслью и чувством, что все люди — братья, под каким бы они небом ни родились, какого бы цвета они ни были...».¹²

---

⁹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 3 т. М., 1949. Т. 2 и 3 [одна книга]. С. 691.

¹⁰ Изабелла Аркадьевна Гриневская // Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. С. 248.

¹¹ См.: Гриневская Изабелла Аркадьевна // Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). С. 109—110.

¹² Гриневская // Первый женский календарь на 1912 год. СПб., 1912. С. 117.

Толерантностью проникнут и очерк И. Гриневской «Путешествие в Края Солнца», поступивший в Рукописный отдел ИРЛИ в 1942 г. после кончины писательницы. Рукопись составляет около 13 авт. л.; на полях и в тексте есть авторская правка и редакторские пометы, что говорит о подготовке материала к печати.

«Путешествие в Края Солнца» по стилю напоминает путевые заметки, однако Гриневская не ставила своей целью описание достопримечательностей тех мест, где она побывала. Вот как сама писательница объясняет причину поездки: «Меня уносило туда, на Восток. Там я должна была увидеть воочию <...> среду людей, мною описанных в двух поэмах — „Баб“ и „Беха-Улла“, людей, которых я до сих пор видела только в мечтах, в воображении. <...> Я должна признаться, что, принимаясь за эту поэму и даже окончив ее, я не знала сама всю значительность изображаемого мною движения во всемирной истории. <...> Лишь тогда, когда я углубилась в мой сюжет как критик, я поняла значительность его. <...> Мне предстояло ехать именно к сынам моих героев, жизнью которых я жила столько лет...» (с. 1, 4, 5).¹³

Итак, о чем же эти пьесы с такими непонятными названиями для неискушенного в восточных языках читателя, — пьесы, которые И. Гриневская считала самыми значимыми своими произведениями? Это драматические поэмы в стихах: «Баб» (СПб., 1903; 2-е изд., Пг., 1916) и «Беха-Улла» (СПб., 1912), в основу которых положены реальные события, связанные с зарождением новой мировой религии — Веры Бахаи.

Религиозно-философская поэма «Баб» изображала картину противостояния между гонителями прогрессивного движения и его последователями. В предисловии во втором издании пьесы Гриневская пишет: «Не деяния преходящие изображаются в ней, а скорее порывы умов к вопросам, которые мучают человечество с тех пор, как оно стало себя сознавать, мучают и вместе с тем дают утешение и забвение, помогающие ему совершать те мирные дела, без которых должна остановиться сама жизнь с ее радостями, горестями и создающими началами. В ней изображаются полеты духа к золотым зорям любви и мира, достижение которых является целью человечества, целью всех его деяний».¹⁴

Когда-то Персия превосходила другие нации своей культурой, могуществом и блеском. Она дала миру великих монархов и государственных деятелей, пророков и поэтов, философов и художников. Зороастр, Кир, Дарий, Хафиз и Фирдоуси, Саади и Омар Хайям — вот

---

¹³ Здесь и далее при цитировании очерка «Путешествие в Края Солнца» в скобках указываются страницы рукописи.

¹⁴ Гриневская И. Баб: Драматическая поэма. Из истории Персии. 2-е изд. М., 1916. С. 3.

лишь некоторые из ее великих сынов. Однако в XVIII—XIX вв. эта страна находилась в упадке, ее правительство было коррумпировано, священнослужители были фанатичны и нетерпимы, а народ был невежествен и суеверен. Последователи различных вероисповеданий призывали людей поклоняться одному Богу и жить в любви и согласии, но на деле они презирали друг друга. К примеру, если мусульманин получал деньги от иудея, зороастрийца или христианина, то он должен был промыть их, прежде чем положить в свой карман.

Однако, несмотря на все это, свет духовной жизни не угас в Персии. Многие с нетерпением ожидали пришествия обетованного Божьего Посланника и верили, что время его прихода близко. Таково было положение дел в Персии, когда Баб, провозвестник новой эры, взволновал всю страну своим Посланием. Когда Бабу исполнилось 25 лет, он провозгласил, что ему доверено Богом возвестить о скором пришествии Обетованного всех религий и подготовить людей к его приходу. За короткое время у Баба появилось много последователей. Власти, обеспокоенные тем, что новая Вера набирает силу, жестоко преследовали ее приверженцев; в 1850 г. Баб был казнен. В своем очерке И. Гриневская пишет: «Казнь учителя <...> только послужила к укреплению самого учения <...> Многие бабиды,¹⁵ спасаясь от мучений, переселились в иные страны...» (с. 3).

Наша соотечественница И. Гриневская внесла большой вклад в распространение сведений о новой религии. Член Философского, Восточного и Библейского обществ, она серьезно интересовалась Востоком. Познакомившись с Учением Бахаи, Гриневская настолько глубоко прониклась его идеями, что вдохновилась на создание пьесы в стихах, посвященной провозвестнику новой Веры. «Один из известных профессоров заметил мне <...>, — пишет писательница, — что я напрасно так назвала драму, ибо слово „Баб“ некрасиво звучит для русского уха. Я ответила: „Имена положивших жизнь за идею любви — должны красиво звучать для всех ушей. Надо только, чтобы весть об этих скорбях, стремлениях, мечтах и страданиях дошла до ушей“» (с. 7).

После издания ее драматической поэмы «Баб» появились многочисленные положительные отзывы¹⁶ в печати, в которых отмечалось,

---

¹⁵ В дореволюционной печати последователей Баба именовали «баби/бабидами», затем этот термин был перенесен и на последователей Бахауллы. Адептов Веры Бахаи (архаические названия: бабизм, бехаизм и бахаизм), зародившейся в Персии в 1844 г., которых тогда называли бехаидами/бехаитами или бехаистами/бахаистами, сегодня знают в России как бахаи. Приверженцы Веры Бахаи рассматривают откровения Баба и Бахауллы как части «двойного Богоявления», позднейшей из мировых религий.

¹⁶ Большинство рецензий вошло в кн.: Отзывы печати о драматической поэме «Баб» (из персидской жизни) Изабеллы Гриневской.

что это одно из лучших крупных стихотворных произведений книжного рынка. Л. Толстой в письме к И. Гриневской выразил высокое мнение о поэме и свои симпатии к новой мировой религии.¹⁷ В 1904 г. пьеса была поставлена в петербургском театре Литературно-художественного общества, вызвав единодушное одобрение печати всех направлений и широкий отклик общественности. Пьеса была поставлена также в театрах Лондона, Парижа и Берлина.

Поэма-трагедия «Беха-Улла» (Бахаулла, т. е. Слава Божья) посвящена событиям, последовавшим за гибелью Баба, в центре которых находился тот, о ком возгласил Баб как об Обетованном всех религий. Бахаулла был родом из богатой и знатной семьи, его отец занимал пост министра. Еще в детстве Бахаулла выказывал удивительные познания и мудрость, он был на редкость добр и великодушен, обладал необыкновенной силой обаяния, и люди неизменно собирались вокруг него. Уже в 13 лет он прославился своей ученостью, на больших собраниях он обсуждал дела с представителями духовенства и объяснял сложные религиозные вопросы.

Бахаулле было 22 года, когда умер его отец. Правительство выразило пожелание, чтобы он наследовал после отца пост министра, как было принято в Персии, но Бахаулла отверг это предложение. Тогда премьер-министр сказал: «Предоставьте Его Самому Себе. Подобное положение недостойно Его. Он имеет перед Собой более высокую цель. Я не могу понять Его, но убежден, что Ему предназначено великое поприще. Его мысли не похожи на наши. Оставьте Его в покое».¹⁸

Вот что пишет И. Гриневская о содержании своей второй религиозно-философской поэмы: «В моей трагедии „Беха-Улла“ я изображаю жизнь бабидской общины со времени ее бегства из Персии до года кончины Беха-Уллы. Само действие начинается за неделю или более до выселения ее из Багдада в Константинополь, хотя из речей действующих лиц, с первого же явления, указывается и на предшествующие события, на само возникновение бабизма, смерть Баба и преследования бабидов в самой Персии. Параллельно изображается внешняя и внутренняя трагедия жизни Беха-Уллы. Внешняя: преследования, которым он подвергался со стороны правителей светских, духовных, враждебные действия по отношению к нему со стороны любимого младшего брата и воспитанника, необходимость возвращать общину на путь заветов, оставленных Бабом, на путь непротивления и прощения, заветов, забываемых и мало понятных, а также удержать ее на этом пути в

---

¹⁷ См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 74. С. 207—208.

¹⁸ По материалам кн.: *Esslemont J. E. Baha'ulla and New Era*. Wilmette, Illinois, 1980. P. 24 (готовится к печати перевод этой книги на рус. яз.).

минуты грозных преследований. Внутренняя трагедия — это переживания Беха-Уллы, его страдания, сомнения, путем которых он приходил к заветам, о которых мы знаем и которые кажутся нам столь спокойно звучащими. Трагедия эта переживается всеми пророками, посланными Богом на землю, чтобы сквозь горнило их духа и даже тела проходили все муки, все страдания, все сомнения и колебания человечества, дабы они могли все понимать и получили умение говорить языком, понятным для немощного духа человека» (с. 75). Бахаулла призывал народы оставить распри и стать единой семьей.

Писательница отмечает в очерке: «Беха-Улла углубляет учение Баба и смело перекладывает его за границы мест пребывания бабидов в остальной мир. Он с решительностью <...> существа, призванного для высокой задачи, рассылал воззвания и к правителям европейских стран, убеждая их держаться мира и взаимной любви, заботиться о благе управляемых ими народов, ратуя против войн, в которые правители вовлекают своих мирных подданных» (с. 8). Гринеvская отмечала, что эта необыкновенная личность поражала не только своих соотечественников, но и европейских путешественников. Так, известный востоковед Кембриджского университета проф. Э. Г. Браун (E. G. Browne) в 1890 г. посетил Бахауллу в Бахджи. «Лицо, на которое я взглянул, никогда не забуду, хотя и не смогу описать его. Взгляд этих пронизательных глаз, казалось, проникал в самую душу; власть и авторитетность отражались на широком челе; глубокие морщины, избородившие лоб и лицо, выдавали возраст, противоречащий черным как смоль волосам и бороде, которая с невыразимой роскошью спускалась почти до пояса. Не было нужды спрашивать, в чьем присутствии я находился, когда преклонился перед Тем, Кто есть предмет обожания и любви, которым могут позавидовать цари и о которых тщетно вздыхают императоры!».¹⁹ Наблюдения Брауна помогли писательнице при работе над образом Бахауллы. В своем письме к Ф. Фидлеру она сообщает, что закончила работу над этой драмой в сентябре 1910 г.²⁰

Уже была издана пьеса «Баб» и написана поэма-трагедия «Беха-Улла», когда И. Гринеvская в декабре 1910 г. отправилась на Восток, где ее ожидала встреча со старшим сыном Бахауллы, которого он назначил единственным толкователем своего Учения и главой Веры Бахаи, что позволило этой религии избежать раскола. Абдул-Баха пригласил автора двух религиозно-философских пьес встретиться с ним в Египте,

---

¹⁹ A Traveller's Narrative: Written to Illustrate the Episode of the Bab. Cambridge University Press, 1891. P. XXXIX—XL. (Перевод с перс. яз. на англ. и сопроводит. ст. Э. Г. Брауна.)

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 3, ед. хр. 35.

где он тогда находился. В Египте и в Палестине (на Святой Земле) у писательницы произошло несколько незабываемых встреч, о которых она расскажет в очерке «Путешествие в Края Солнца». Вернувшись из своей поездки в феврале 1911 г., она приступила к работе над этой новой книгой, которая была временно прервана (Гриневакской пришлось выехать в Париж для беседы с переводчицей ее драматической пьесы «Баб» на французский язык). Возвратившись домой, писательница немедленно занялась подготовкой к публикации драмы «Бега-Улла»; одновременно с этим она продолжала работать над «Путешествием в Края Солнца» вплоть до 1914 г.

Итак, Гриневакская отправилась на Восток, стремясь сравнить реалии двух ее религиозно-философских пьес с историческими реалиями, удостовериться, что она верно описала события и героев, «вещающих о братстве людей». Она старалась быть точной при описании путешествия: «Цель его слишком важна, чтобы ограничиваться общими фразами и легковесными замечаниями, а я должна быть по возможности ближе к истине» (с. 108). Она отмечает на страницах своего очерка, что ее современникам не только неизвестно такое важное явление в жизни Востока, как новое прогрессивное религиозное Учение, но неизвестен сам Восток. Более того, информация, распространяемая о нем, нередко ложна и даже нелепа. «Мы знаем Восток <...> по инсценированным сказкам „Тысячи и одной ночи“, по любовным похождениям царицы или певца в офранцузенных изображениях авторов. Мы не знаем его идеалов, а знать народ — значит знать его *идеалы и носителей их*» (с. 5).

«Путешествие в Края Солнца» включает вводную статью и 33 главы, каждую из которых предваряет аббреже. В статье «Вместо предисловия» (с. 1—9) И. Гриневакская излагает причину своей поездки, кратко характеризует героев своих религиозно-философских пьес, разъясняет, «что такое Баб и бабизм» и почему она задумала написать продолжение драматической поэмы «Баб» — поэму-трагедию «Бега-Улла». Ее сокровенным желанием было увидеть своими глазами тех людей, о которых она написала и которые «любят все человечество». Ей представилась возможность познакомиться с ближайшими потомками героев двух ее пьес, столпов описанного ею Учения, одного из последователей которого писательница впервые увидела только в Одессе в лице «снисходительного к ней и терпеливого спутника» по имени мирза Али Акпер — перса, родившегося в России, ревностного бахаи, по специальности инженера-технолога. Он стал и ее провожатым, и гидом, и драгоманом. Как-то уже в Египте на замечание Али Акпера, что она не религиозна, Гриневакская возразила: как он может это говорить той, которая написала две книги такого содержания, как «Бега-Улла» и «Баб», может быть, она молится каждый час. Мудрый Али Акпер ска-

зал: «Вы, как разлившаяся река весной, слишком широки. Вас надо ввести в русло».

Любопытно, что мирза Али Акпер состоял в переписке со Л. Н. Толстым, написавшим как-то этому бахаи: «Я составляю ряд доступных и по цене, и по изложению книжек о главнейших религиозных учениях мира. Хочу составить также книжку и о бехаистах и потому рад материалу, нужному для такого издания».²¹

В Главе I (с. 9—15) И. Гриневская описывает свои приготовления к поездке и встречи с разными людьми в пути, которые вызывали в ней размышления, например, о том, почему так много сил люди растрачивают на ничтожные дела. «Что было бы, если бы часть этих сил и талантов пошла на дела в честь страны и на ее благо?..» (с. 12—13). Услышанный ею случайно разговор поездной прислуги о том, что «на железнодорожной службе свой устав: не кланяйся сильным и не толкай бедных», Гриневская записала, что, видимо, эти служащие «не слушали столичных лекций, а то бы они узнали, будто новый пророк Ницше вещает: кланяйся сильным и толкай павших...» (с. 14).

Глава II (с. 15—22) посвящена ее пребыванию в Одессе, встрече со спутником, с которым писательнице предстояло отправиться на Восток. Здесь же она рассуждает по поводу понятия «граждане»: «граждане Одессы, граждане по Гоголю, по Диккенсу, по Беха-Улла» и т. п.; характеризует культурную среду Одессы, куда она прибыла 4 декабря 1910 г.; сообщает, что по «совершенно неожиданному и странному стечению обстоятельств» в этом городе оказалась переводчица ее поэмы «Баб» на французский язык г-жа Гальперин (она же перевела «Снегурочку» А. Островского²²).

Гриневская-публицист анализирует явления текущей жизни общества тех стран, где она побывала во время путешествия, с точки зрения собственных социальных и духовных идеалов. Стремясь понять мир Востока, она следует принципу почитаемого ею Монтеня: «Когда я путешествую по чужой стране — я оставляю свои очки дома и надеваю очки народа той страны, где я нахожусь» (с. 47).

Далее мы не будем подробно останавливаться на каждой из глав произведения, а представим основные концепции очерка. Гриневская не только делает зарисовки из повседневной жизни встречающихся на ее пути людей, но предлагает читателю задуматься о духовно-нравственной стороне бытия — например, о вреде злословия. Она вспоминает слова Иисуса Христа «Не судите и не судимы будете» и пишет, что

²¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 81. С. 106.

²² См.: Отзывы печати о драматической поэме «Баб» (из персидской жизни) Изабеллы Гриневской. С. 6.

Бахаулла также порицал злословие: «Как мог забыть ты пороки свои и озаботиться пороками других?.. Не внимай злу и не примечай зла, не унижайся, не сокрушайся и не стенай. Не будь злоречив, дабы не услышать тебе злых речей, и не преувеличивай пороки других, дабы собственные пороки твои не показались великими; и не желай никому унижения, дабы твое унижение не стало явным».²³

Во время всей поездки Гриневская с живым интересом изучала своего спутника, а он ее. Она пишет: «Когда мы вышли на берег в карантине на острове близ Константинополя, капитан нашего корабля повел нас, пассажиров, показать маленькую церковь <...> Мирза Али Акпер пошел с нами, конечно. Когда все <...> пассажиры разбрелись, он еще некоторое время оставался в созерцании. „Я люблю все места, где есть Бог“ <...> я была в восхищении от этой фразы, как будто я нашла потерянную дорогую вещь, ибо она совпала с описанным в моей поэме. Вот каковы на самом деле эти люди, любящие все храмы, каковы эти персы, потомки бывших завоевателей мира, Дария Гистаспа и Кира, потомки закаленных в боях воинов. Только предки их завоевывали мечом, а они поднялись, чтобы завоевать мир любовью...» (с. 73).

Гриневская восхищалась мудростью мирзы Али Акпера, который, как она пишет, терпеливо относился к переменам настроения своей попутчицы, горячности, с которой она защищала свое мнение, нетерпению, с каким она выслушивала возражения. «Что он думал о моей самоуверенности, капризности и многоречивости доказательств, упорстве, в то время, как он сам так деликатно и тихо делает свои возражения, начиная с „да“ <...> Ведь он, наверное, полагал, что автор двух религиозно-философских пьес <...> должен не говорить, а вещать, не смотреть, а лицезреть, не сидеть, а восседать, не ходить, а шествовать <...> Что он думал?». И тут же Гриневская сама отвечает, что бахаи могут думать о других только хорошее, ведь, как говорит Бахаулла, «кто злословит — тот не бегаид» (с. 74).

Помимо теологического аспекта автор очерка много внимания уделяет женскому вопросу. Гриневская пишет, что персы сохраняют к матери до седых волос трогательную любовь и уважение. Она считает, что «только на Востоке, без мужчины, Духом Святым, женщина смогла родить Бога» (с. 134). Восточная женщина спасла Моисея, будущего носителя идеи единобожия, женщина вскормила и воспитала его; женщина родила Христа и увидела его Воскресение. Писательница дает разъяснения относительно положения женщины по Корану. Полигамия только допускается, а не узаконивается. Рождение девочек у арабов считалось несчастьем, и их нередко убивали. Вот чем, пишет Гри-

---

²³ Цит. по: *Бахаулла. Сокровенные Слова*. СПб., 2003. С. 14, 54.

невская, объясняется защита Магометом детей женского пола. Коран защищает женщину, однако это заветы, которые слишком часто не исполняются. Гринеvская пишет: история мусульманства нам говорит, что в эпоху расцвета ислама положение женщины-мусульманки не отличалось от положения мужчины. Во времена Омейядов и первых Аббасидов было много выдающихся женщин на всех поприщах, в том числе и на военном. Дамы соперничали с учеными и поэтами-мужчинами того времени. Мать Мухтадира председательствовала во время прений высшего суда, принимала сановников и послов, подписывала государственные указы. Зубейда, жена Харун ар-Рашида (халифа из династии Аббасидов), обладала выдающимся умом, была великолепной поэтессой; ей принадлежала инициатива постройки акведука в Мекке, существующего до сих пор. Она восстановила Александрию, разрушенную греками. «Прогресс в мусульманстве остановился вообще — и для мужчин затмилось солнце знания, и этим объясняются установившиеся дикие толкования Корана не к выгоде женщины, доведшие ее до того состояния, в котором мы видим восточную женщину теперь» (с. 142), — утверждает И. Гринеvская.

Она пишет, что было много женщин за последнее столетие: богатых, знатных, ученых, но в истории останутся имена лишь тех из них, которые отдавались святым делам, как Хурет. В пьесе И. Гринеvской «Баб» прототипом главной героини Хурет стала персидская поэтесса по имени Тахира (Чистая), последовательница Баба, пожертвовавшая своей жизнью на Божьей стезе. «Одной из главных догм его [Баба] учения, вызвавшего, быть может, наибольший протест со стороны фанатиков <...> было освобождение женщин от гнета затворничества и дарование им прав на свободное шествие наравне с мужчиной по пути к свету и истине» (с. 3). Можно только догадываться, что должны были испытать в середине XIX в. поборники старых порядков, присутствовавшие на одном собрании, когда перед ними предстала Тахира без чадры. Все собрание оцепенело от ужаса при виде ее открытого лица. Тахира всем сердцем приняла новую религию — источник обновляющего воздействия. Молодая женщина вместе с другими приверженцами Учения бесстрашно распространяла это откровение, чтобы на смену устарелым обычаям, отягощавшим людское сознание, пришли законы и заповеди, которые приведут человечество к единству и процветанию.

В своем очерке И. Гринеvская также рассказала о женщинах-бахай, которые подобно Тахире несли свет людям. Она пишет, что, изображая любовь Хурет к своему отцу Мухаммеду Салиху в драме «Баб» и любовь Варга-и Улийа к своему отцу Бахаулле в трагедии «Беха-Улла», она руководствовалась интуицией, «этим верным *Виргилием поэтов*» (с. 244), воочию же писательница увидела эту любовь лишь на Востоке.

Гриневской посчастливилось познакомиться с дочерью Бахауллы, посвятившей жизнь служению своему благословенному Отцу, основателю мировой религии. Один перс сказал писательнице, что если она увидит Варга-и Улийа, то, значит, она увидит весь мир. Гриневская общалась с обитательницами эндеруна (женской половины дома Абдул-Баха). Несмотря на то что бахаи провозглашали равноправие женщин, они были вынуждены придерживаться уклада той страны, в которой проживали; поэтому женщинам были отведены специальные покои. Последовательницы Бахауллы были весьма образованны. Както женщины поинтересовались у писательницы: что она думает об уходе Толстого и его завещании? Правда ли, что он все завещал дочери? Это казалось странным на Востоке, где почитание старших — главный устой жизни. Дамы были уверены, что «это завещание внесло и внесет большую сумятицу в семью писателя, чего не должно быть, ибо семья великого человека должна служить примером для других» (с. 252).

Интересны идеи И. Гриневской о семье и о различиях в воспитании детей у нее на родине и в семьях бахаи на Востоке. Она восхищается тем, как хорошо воспитаны дети и насколько они почтительны по отношению к старшим. «Дали чай и детям <...> Мансур (что значит победитель) уселся по приказанию отца на пол (по восточному обычаю.— *Е. М.*) посреди комнаты. „Победителю“ не было еще трех лет, но он пил свой чай без помощи старших и, выпив его, сам же понес посуду на место, не вызвав этим никаких явных восторгов со стороны старших <...> В течение вечера дети ни разу не вмешались в разговор старших, не заявляли назойливо о своем присутствии, как это сплошь и рядом делают наши дети, питомцы семи нянек. И отец ни разу не хватнул своими чадами. Вообще у бегаидов не принято говорить о себе *rien bien, rien mal*. Распространяться о личных делах — неделикатно, а говорить о жене и детях — прямо невежливо» (с. 220). И еще писательница заметила, что, когда здесь собираются «большие», детей не отправляют гулять или спать, а говорят: «Оставайтесь, внимайте и учитесь». «Здесь <...> взрослые за трапезой говорят только о высоком» (с. 176). Гриневская пишет, что на Востоке дети учатся мудрости у старших; еще из Евангелия известно, что великие вопросы морали обсуждались за трапезой. Писательница восхищается тринадцатилетним юношей-бахаи, рассуждающим как Спиноза. Она сетует: «...у нас находят, что 13-летним мальчикам надо давать специально детские книги, из которых вытравляют всякую отвлеченную мысль. Находят, будто эти мысли выше понимания детей. Какое заблуждение» (с. 121).

С благоговением И. Гриневская пишет об Абдул-Баха, одном из столпов Веры Бахаи, с которым она встречалась в Рамле (пригороде Александрии) и который поразил ее своим величием, умом и добро-

той. Он был непререкаемым авторитетом для последователей Бахауллы. Писательница отмечает в своем очерке: «Разве это не сон? Я написала когда-то пьесу „Баб“ исключительно с целью выразить мои мечты и грезы и напомнить людям о заветах Божественных Учителей Востока, среди которых был Тот, Кто умер на кресте <...> И что же, — я оказалась провозвестницей Учения, последователи которого живут, и я нахожусь в гостях у их вождя» (с. 82).

Писательнице навсегда запомнились сказанные ей на прощанье слова Абдул-Баха, этого седовласого мудреца с большими умными серыми глазами: «Вы вашу богатую жизнь отдали на служение людям, высокому делу. Продолжайте так же, любите людей, любите врагов, врагов нет <...> Я буду молиться о вашем счастье...» (с. 185).

Во время своей поездки Гриневская не раз становилась свидетельницей богослужений последователей разных религий. Заканчивает свое сочинение И. Гриневская такими словами: «Вот мольба у Гроба Господня <...> Вот стон и плач отчаяния евреев у Стены Плача. Вот призывы муэдзина суннитов с высоты минарета, раздающиеся печально и властно <...> Вот тихая, робкая, плачущая, кроткая мольба бегаидов, которой они завершают свои собрания даже светского характера и вне пышных храмов <...> Я видела почти все ступени человеческой культуры <...> Передо мной <...> развернулись религиозные культы человечества, начиная с обожествления животных и до ясного культа религии всеобъединяющей любви, до бехаизма — этой религии возрождения христианства и буддизма, очищенного иудаизма, просветленного магометанства...» (с. 299—300).

Ценность очерка «Путешествие в Края Солнца» в первую очередь состоит в том, что его автор одним из первых русских писателей посвятил свои сочинения основателям и последователям новой мировой религии, находящейся на ранней стадии своего развития, хотя известно, что новым религиозным учением интересовались и другие литераторы. В 70-е гг. XIX в. И. С. Тургенев неоднократно упоминал о Вере Бахаи в частных и официальных беседах. В 1879 г. в Оксфорде, куда он прибыл на церемонию получения почетной степени, писатель беседовал о новой религии с главой Бэлиол-колледжа Оксфордского университета д-ром Бенджамином Джауэтом.²⁴

Л. Н. Толстой впервые услышал о баби в 1884 г. от О. С. Лебедевой, одного из основателей российского Общества востоковедения. Здесь отметим, что в своем очерке И. Гриневская описала встречи с Ле-

---

²⁴ См.: Аккерман Нэнси, Хассел Грэм. Вера Бахаи в России: исторический очерк // Хэтчер Уильям С., Мартин Дуглас Дэс. Новая мировая религия. Вера Бахаи. СПб., 1995. С. 259.

бедевой в Египте, где та тогда проживала и которую хорошо знали на Востоке под именем Гульнар, а фамилия Лебедева была прекрасно известна европейским ориенталистам. В переписке и дневниках Толстого на протяжении 16 лет (до его смерти в 1910 г.) встречаются высказывания об Учении Баби (затем Бахаи). В уже упомянутом выше письме к Гриневской, в котором Толстой тепло отозвался о поэме «Баб», он также написал, что «Учение бабидов... [которое] держится своих главных основных [идей] братства, равенства и любви, имеет великую будущность».²⁵ После того как данное письмо Толстого было опубликовано, интерес русской общественности к этой Вере значительно возрос.

Духовные искания Толстого, его важнейшие идеи — необходимость установления всеобщей религии, самостоятельный поиск истины, гармония веры и разума, упрощение религиозных ритуалов, всеобщее образование — были созвучны принципам Учения Бахаи. В своей переписке с бахаи и исследователями Веры Толстой обсуждал волнующие его вопросы о природе Бога, статусе великих Пророков, единстве религий и связи между разумом и духом. Влияние Толстого в литературных кругах было столь велико, что переписка его с бахаи не осталась незамеченной и привлекла внимание к новой религии деятелей искусств, философов и просто ищущих истину людей. В 1901 г. в письме персидскому послу в России²⁶ писатель отмечает: «Я верю, что везде, как и у вас в Персии бабиды, есть люди, исповедующие истинную религию, и, несмотря на все преследования, которым подвергаются эти люди везде и всегда, их идеи будут распространяться все больше и больше, и, наконец, восторжествуют над варварством...».²⁷

В сентябре 1902 г. в Ясную Поляну приезжал персидский бахаи, на вопрос которого об отношении Толстого к Бахаулле и его делу писатель ответил: «Как я могу отрицать его?.. Очевидно, что это дело завоеует весь мир».²⁸ Толстой говорил, что принципы вероучения Бахаи соответствуют духу эпохи и, со временем распространившись в мире, принесут процветание человечеству. К концу жизни Л. Н. Толстой пришел к выводу, что Учение Баба, нашедшее свое развитие в трудах Бахауллы, «представляет из себя одно из самых высоких и чистых ре-

²⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 74. С. 207—208.

²⁶ Князь Мирза Риза-хан — персидский сановник, дипломат, занимал пост персидского посланника при Александре III и Николае II; персидский поэт (псевдоним Даниш). Мирза Риза-хан прислал Л. Н. Толстому перевод своей оды «Мир», посвященной Гаагской конференции 1899 г., на которой князь присутствовал в качестве делегата.

²⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 73. С. 96.

²⁸ Цит. по: Аккерман Нэнси, Хассел Грэм. Вера Бахаи в России. С. 261.

лигиозных учений». ²⁹ Незадолго до смерти Толстой сказал о движении Бахаи: «Очень глубокое, я ни одного не знаю такого глубокого». ³⁰

Мы намеренно сделали это отступление об отношении Толстого к Вере Бахаи. Очерк И. Гриневской, в котором подтверждаются высоко- нравственные принципы, лежащие в основе Учения Бахаи, так же как и высказывания о нем Л. Толстого, может заинтересовать религиоведов, культурологов, всех ищущих истину людей.

Баб (1819—1850) и Бахаулла (1817—1892) — основатели Веры Бахаи, занимающей, по данным «Британики» (*Encyclopedia Britannica*), после христианства второе место в мире по широте распространения. Сегодня в 235 странах живут более 5 млн последователей этой религии. Бахаулла оставил свыше ста Скрижалей, в которых подробно изложено его Учение и, как считают бахаи, передана воля Бога для человечества на новом этапе его исторического развития. Труды Бахауллы переведены более чем на 800 языков мира. В 90-х гг. XIX в. в России были опубликованы оригинальные тексты Бахауллы, русский стал первым европейским языком, на который были переведены эти сочинения.

Информацию о вероучениях Баба и Бахауллы можно найти в публикациях Ю. А. Иоаннесяна (ст. науч. сотр. сектора Среднего Востока Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН), который занимается исследованиями первичных источников религии Бахаи. Ниже будут приведены некоторые факты из статьи Ю. Иоаннесяна «Санкт-Петербургская коллекция материалов по бабизму и религии Бахаи (XIX—начало XX вв.)». Россия во второй половине XIX в. имела представительства в Персии, и сотрудники русских дипломатических миссий могли получать информацию об этом прогрессивном движении; более того, им нередко приходилось выступать непосредственными свидетелями и даже участниками многих событий, связанных с религией Баби, которая затем переросла в религию Бахаи. Роль России заключалась не только в сборе и сохранении для потомков русскими дипломатами ценных материалов. Российская дипломатическая миссия в Тегеране способствовала освобождению основателя религии Бахаи — Бахауллы из тюрьмы Сийах-Чаль. Об этом Бахаулла не раз заявлял в своих Писаниях. Среди его Посланий монархам одно адресовано русскому императору; Бахаулла обращается к Александру II со следующими словами: «О царь России! Склони свой слух к гласу Бога <...> Воистину, слышали Мы то, о чем молил ты Господа твоего, втай-

²⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 78. С. 306.

³⁰ Цит. по: Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904—1910. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. 4 // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. С. 255.

не с Ним общаясь <...> В то время, когда лежал Я в цепях [и] оковах в тегеранской темнице, один из твоих посланников протянул Мне руку помощи. Посему определил для тебя Бог положение, которое не постижимо ни чьим знанием, кроме как знанием Его Самого. Остерегись променять возвышенное состояние сие».³¹

После включения в состав Российской империи территории тогдашнего Западного Туркестана в Ашхабад бежали от преследований в Персии приверженцы Бахауллы. Постепенно там сложилась первая за пределами Ирана община бахаи. Был возведен и первый в мире храм бахаи (Дом Поклонения). К началу 20-х гг. XX в. ашхабадская община достигла высокого уровня социального развития. Во владении общины находились зал для собраний, дом для паломников, лечебница, кладбище, библиотека и читальня. Работали две школы, открытые для детей любого вероисповедания — для мальчиков и для девочек, и два детских сада. По словам А. Г. Туманского, признанного специалиста в области бабизма и религии Бахаи, благодаря своему достойному образу жизни, бахаи были «приняты русскими как нельзя лучше».³²

Российские дипломаты и востоковеды второй половины XIX—начала XX столетия собирали ценные материалы по данному вероучению и его истории. Это большей частью священные тексты, в отличие от источников, введенных в научный оборот британским исследователем бабизма Э. Г. Брауном, опубликовавшим преимущественно исторические хроники. Собранные русскими дипломатами и востоковедами материалы направлялись в столицу Империи — Санкт-Петербург, и эта коллекция источников по бабизму и религии Бахаи на сегодня одна из богатейших в мире. Она состоит из рукописей, литографий и публикаций текстов. Наиболее значимые материалы представляют собой Писания центральных фигур религии Бахаи: Баба, Бахауллы и Абдул-Баха. Другую группу материалов составляют документы в основном исторического содержания, касающиеся новой мировой религии.

Издательство «Единение» с 1993 г. подготавливает к печати переводы на русский язык священных текстов бахаи и книг о новой мировой религии. В долгосрочный план этого издательства включен и очерк И. Гриневской «Путешествие в Край Солнца».

---

³¹ Цит. по: *Иоаннесян Ю. А.* Санкт-Петербургская коллекция материалов по бабизму и религии Бахаи (XIX—начало XX вв.) // Письменные памятники Востока. М., 2005. Вып. 1 (2). С. 304—320.

³² *Туманский А. Г.* Два последних бабидских откровения // Записки Восточного отделения [Императорского] Русского археологического общества. 1891. СПб., 1892. Т. 6. С. 315.

В очерке Гриневская упоминает о своем знакомстве с А. Г. Туманским, ссылки на которого встречаются в трудах исследователей религии Бахаи. В Египте писательница была в гостях у известного ученого мирзы Абу-ль-Фазль Гульпайгани (он жил в Ашхабаде с 1889 по 1894 г.), который поинтересовался у Гриневской, как она узнала о Бабе, а затем рассказал ей о своем знакомстве с Туманским. Абу-ль-Фазль через писательницу попросил «уважаемого Туманского» вернуть книгу, которую тот взял для перевода, так как существует лишь один ее экземпляр. Абу-ль-Фазль обратился к Гриневской с такими словами: «Прошу вас ему сказать о моей просьбе очень любезно». Однако она так и не исполнила обещания, данного благородному Абу-ль-Фазлю, поскольку Туманский пребывал в то время «на окраинах России» (с. 147).

Вклад, внесенный И. Гриневской в дело распространения молодой религии, призванной объединить человечество, скорее оценят будущие поколения. Однако в мире бахаи с большим почтением относятся к этой личности, нашей соотечественнице, решившейся в 1910 г. отправиться в далекие края, чтобы встретиться с Абдул-Баха и поведать своим согражданам о прогрессивном Учении, призывающем людей оставить в прошлом распри и заложить основы нового миропорядка. В своем очерке писательница указывает, что она была первой женщиной из России, побывавшей в гостях у Абдул-Баха, которого Бахаулла в своем завещании назначил главой Веры и единственным толкователем Писаний Бахаи.

Абдул-Баха вел праведную жизнь, трудясь без устали, с краткими переездами из Акки в Хайфу, из Хайфы в Александрию до августа 1911 г., когда он впервые отправился на Запад. Во время путешествия, встречаясь с людьми различных убеждений, Абдул-Баха придерживался заповеди Бахауллы общаться со всеми людьми в духе радости и благожелательности. Абдул-Баха прибыл в Лондон в начале сентября 1911 г. и провел там месяц, затем он выехал в Париж, где ежедневно выступал перед слушателями разных национальностей и культур. В декабре он вернулся в Египет и уже весной в ответ на горячие просьбы американских друзей отправился в Соединенные Штаты, прибыв в Нью-Йорк в апреле 1912 г. За семь месяцев Абдул-Баха объехал Америку, выступая с речами перед людьми разных классов и убеждений: студентами университетов, социалистами, мормонами, иудеями, христианами, агностиками, эсперантистами, представителями Обществ мира, Клубов Новой мысли, Обществ суфражисток и т. д. Он говорил в церквях почти всех вероисповеданий, произнося каждый раз речи, соответствующие аудитории и случаю. 5 декабря Абдул-Баха отплыл в Великобританию, где провел шесть недель, посетив Ливерпуль, Лондон, Бристоль и Эдинбург. На Западе были опубликованы записи вы-

ступлений Абдул-Баха. Вышла книга «Paris Talks» — беседы, записанные на французском языке, а затем переведенные на английский.³³

Величие фигуры Абдул-Баха подтверждает следующий исторический факт. 23 сентября 1918 г. в три часа пополудни, после битвы, длившейся сутки, британской и индийской кавалерией была взята Хайфа, находящаяся до этого на военном положении под турецкой властью. С самого начала английской оккупации многие солдаты и правительственные чиновники всех рангов искали встречи с Абдул-Баха, чтобы насладиться содержательными беседами с ним. Людей привлекала широта и глубина его взглядов, полная достоинства учтивость и сердечное гостеприимство Абдул-Баха. Он произвел такое сильное впечатление на представителей английского правительства своим благородным характером и вкладом в дело мира, согласия и истинного благоденствия людей, что ему было даровано звание рыцаря Британской империи; церемония состоялась 27 апреля 1920 г. в саду военного губернатора Хайфы.

О сильном влиянии Абдул-Баха на окружающих рассказывает в своем очерке и Гринева. Так, она пишет, что все женщины, старые и молодые, чувствовали себя как в раю, находясь рядом «с осененным божественным вдохновением человеком, говорившим им о милосердии» (с. 175). Девушка по имени Марасса воскликнула как-то, что если бы не было метлы, она бы вымела покои Абдул-Баха своими ресницами. Сам же Абдул-Баха держался очень просто и проявлял всяческие знаки внимания к людям. Писательница вспоминала, как Абдул-Баха «ловкими и быстрыми движениями накладывал плов <...> наливал всем в стаканы воду...» (с. 94). Он прояснял вопросы религиозного и житейского характера, напутствовал и благословлял людей, и все это делал «без разделяющей проповедника от паствы пышности, сопровождая подчас свои речи шуткой, но всегда изящно, красиво, мудро, нередко вдохновенно...» (с. 102). Он славился поэтичностью своих речей, считался одним из лучших импровизаторов Персии, изобилующей поэтами. «Его письма, его послания, как и послания Беха-Уллы, рассылаемые последователям и другим лицам, почитаются образчиками высокой поэзии у персов, любящих красоту и понимающих ее» (с. 183).

Встречи И. Гринева с Абдул-Баха в Египте состоялись примерно за полгода до его поездки на Запад. Вот что ей сказал этот мудрец во время их первой беседы: «Вы первая женщина, проложившая путь к познанию Баба и Беха-Уллы в изображении поэта. Много было женщин цариц, как в Европе, так и в Азии, но что от них осталось? Одна Мария Магдалина, которая была простая женщина, своей духовной

---

³³ См.: *'Abdu'l-Bahá. Paris Talks.* London, 1969; *Абдул-Баха. Парижские беседы.* СПб., 1999.

любовью к Богу жива и до сих пор. <...> вы положили много труда, не довольствуясь радостями земными <...> вы вознеслись на высоту духовного мира <...> вы витали в сфере миролюбия ради блага людей и потому будьте покойны — ваши труды не пропадут даром» (с. 81). И еще в очерке есть такие строки: «Доброе отношение вождя бахаидов, одного из великих людей нашего времени, человека, одаренного божественным духом, — это хорошая награда за труды. Оно означало одобрение его. <...> Оно дало мне удовлетворение, которое поддерживало мой дух, как в свое время меня осчастливило письмо нашего мудреца Л. Н. Толстого и похвалы еще одного очень значительного политического деятеля, познакомившего Англию с моими сочинениями. Это Веселитский-Божидарович» (с. 109).

«В России всегда особенно ценили в людях сердечную теплоту, отзывчивость, заботу об общем благе, способность к высокому духовному порыву. Ценность этих душевных качеств, питаемых христианской традицией, всегда утверждалась как в русской литературе, так и в трудах русских мыслителей. Духовные традиции России получили новый импульс благодаря подвижнической деятельности выдающихся религиозных философов конца XIX—начала XX века: Н. Бердяева, В. Соловьева, С. Булгакова, П. Флоренского, К. Леонтьева, В. Розанова, Н. Лосского, И. Ильина и других, чьи труды, долгое время скрываемые от народа, сейчас возвращаются к читателю. Душевные качества россиян, без сомнения, стали благодатной почвой, на которой взошли первые ростки Веры Бахауллы. Сейчас, когда в России стали доступны тексты Писаний и исторических документов, появилась база для подлинно научного исследования религии Бахаи».³⁴

Таким образом, очевидна актуальность издания данного очерка И. Гриневской, который ей не удалось напечатать в свое время, так как началась первая мировая война, а затем разразились революции, наступило время безверия, и сочинение духовно-нравственного содержания осталось невостребованным. Дальнейшее изучение переписки И. Гриневской выявит подробности подготовки к печати этого очерка. Видимо, потеряв всякую надежду напечатать очерк на родине, И. Гриневская пыталась переправить рукопись за границу. В письме от 19 января 1936 г., подписанном уполномоченным ВОКСа Орловым, сообщается следующее: «Мы получили на днях извещение от нашего Правления, что, к сожалению, они не смогут взять на себя пересылку Вашей работы о бабизме и бахаизме. Возвращаем Вам при сем весь Ваш материал обратно».³⁵

³⁴ Аккерман Нэнси, Хассел Грэм. Вера Бахаи в России. С. 279—280.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 55.

Какие-то слова и фразы писательницы в тексте очерка дают некоторое представление о процессе его создания. Так, на с. 52 есть такая фраза: «...я описала все виденное мною здесь вскоре по возвращении в феврале 1911 г. Теперь, летом 1913 г., прочитав написанные строки...». Или же на с. 67 Гринеvская пишет: «На этом месте оканчивается описание моего путешествия, которое мне удалось сделать <...> после моего приезда в Петербург. Затем жизнь оторвала меня от этой работы, и только теперь, в 1913 г., я разобрала все, что было мною написано». Из текста очерка также следует, что писательница вносила в текст рукописи какие-то добавления спустя годы после завершения работы над этим сочинением. На с. 294 есть следующие строки: «Знаток Востока, которому я читала эти записки в 1928 году, заметил мне на этот рассказ: „Да, так у нас было“».

Из очерка можно выявить ценную информацию, касающуюся биографии писательницы. Например, на с. 53 она пишет: «Находясь в Париже, куда я поехала через полтора месяца по возвращении с Востока...». Следовательно, Гринеvская находилась какое-то время в Париже с марта 1911 г.

При подготовке рукописи очерка «Путешествие в Края Солнца» к печати следует учесть, что текст нуждается в серьезной редакторской доработке. Даже при беглом просмотре материала выявились погрешности. Кое-где перепутана нумерация страниц: после с. 48 следует с. 50, затем с. 49 и вновь с. 50, т. е. в тетради две страницы под номером 50, на которых один и тот же текст. На с. 286 помещено абреже к Главе XXXI, но нет текста самой главы. Возможно, текст этой главы был дописан позже и хранится в личном архиве писательницы.

Помимо текстологической подготовки текста необходимы соответствующие комментарии и указатели. В данном случае, когда биография и творчество И. Гринеvской не освещались в печати более 80 лет, следует включить в аппарат книги литературно-критическую статью, привлекающуюся с историко-литературным комментарием.

В заключение приведем следующие строки из очерка «Путешествие в Края Солнца» И. Гринеvской: «Я поехала на Восток не лечить легкие, не расточать деньги, не на пикник. Я хотела видеть и учиться, и вывод из виденного и узнанного считаю долгом без утаек передать <...> Мы многому можем еще научиться от сынов Востока. Это я говорю и повторяю слова из моего доклада в Славянском обществе зимою 1913 года, когда раздавались клики против мусульман вообще и турок в частности» (с. 276). Своим сочинением писательница призывала людей к толерантности и пыталась передать читателям важнейшее для себя открытие: «Когда люди перестают понимать суть деяний одного Божьего гонца, сохраняя лишь чувства поклонения пред внешним его

образом, люди вновь расходятся в злобе и вражде, и мир опять готов рухнуть в бездну под нагромождением ненависти — тогда является новый гонец, напоминая миру о заветах прежнего...» (с. 299—300).

Несмотря на стремление некоторых сил разъединить народы, сближение всех наций и народов Земли становится все более явным. На мир непрерывно обрушиваются тяжелые бедствия, порождая в людях чувство разочарования, но эти бедствия подготавливают почву для того, чтобы человечество наконец пересмотрело саму концепцию общественного устройства. И если наши соотечественники получат возможность ознакомиться с очерком И. Гриневской «Путешествие в Край Солнца», то, возможно, им станет ближе Восток.